

© 2008 г.

В.О. РУКАВИШНИКОВ

**МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ: ИЗМЕРЕНИЕ И МЕЖСТРАНОВЫЕ
СРАВНЕНИЯ**

*РУКАВИШНИКОВ Владимир Олегович – доктор философских наук,
профессор кафедры мировой политики ГУ-ВШЭ.*

Количество социологических, политологических и экономических публикаций, затрагивающих тему межличностного доверия, непрерывно растет, начиная с 1960-1970-х гг. Значительная часть литературы посвящена проблеме доверия в России и других т.н. «переходных экономиках», «транзитных» странах, «молодых демократиях» [1-10]¹. Сделанные в них заключения основаны, помимо прочего, на данных опросов. Результаты проведенных в разное время в России и других странах, заметно отличаются друг от друга. Эти различия порой влекут за собой далеко не бесспорные выводы. Поэтому вопросы о том, что измеряется и как объясняются различия в измерениях межличностного доверия в сравнительных исследованиях, приобретают, на наш взгляд, ключевое значение для правильного понимания сути проблемы.

Об измерении доверия.

В межличностном доверии отображаются установки, усвоенные человеком в период ранней социализации, жизненный опыт индивида, национальный характер коллективный исторический опыт народа, фундаментальные общечеловеческие моральные ценности. Межличностное доверие следует отличать от других форм проявления этого психологического феномена, у каждого из которых свои источники происхождения.

Доверие к людям как базисная жизненная ориентация приобретается индивидом в раннем детстве, когда родители учат своих детей, как вести себя в обществе, встречаясь со знакомыми и незнакомыми людьми, – доверять или не доверять «чужим», быть откровенным или осторожным с родственниками, друзьями, с «другими людьми» и т.п. Она остается с человеком на долгие годы и на поведенческом уровне у каждого проявляется в различных ситуациях по-разному. Доверие важный принцип морали как целостной системы жизненных установок, ценностей, по мере взросления изменяется весьма незначительно.

Существует множество работ, в которых основное внимание обращается на якобы определяющую роль *личного* опыта в формировании доверия, и межличностного доверия. Доверие увязывается в них с расчетом риска быть обманутым в ожиданиях, с прогнозом реакции на поступки и слова, то есть с сознательной или бессознательной экстраполяцией прошлого (в первую очередь, негативного) опыта индивида на будущее. Форма доверия, проистекающая из ожиданий индивида, основанное на знании, получила название «рациональное (взвешенное) доверие (rational trust)» или «доверие». Думается, что отрицать способность человека обучаться на своих ошибках (минимизировать риски) столь же нелепо, как и приписывать механизму «проб и ошибок» главную роль в развитии личности и формировании доверительного отношения индивида к другим, в том числе и незнакомым, людям и институтам.

Общение и взаимодействие людей изначально предполагает определенную степень взаимного доверия, в том числе и к ранее незнакомым людям. Каждый житель планеты Земля никогда не мог быть лично известным всем своим современникам. Межличностное доверие – это общечеловеческая *моральная* ценность, которая напрямую не зависит от личного опыта индивида, и/или от практик его взаимодействия с другими людьми, участия/не участия в различных ассоциациях граждан, и/или неформальной социализации (см. подробнее в [10, 11]). Действительно, хотя

различные общности и социокультурные среды (локальные общества, племена и нации, этнические, идеологические и религиозные группы, и т.д.) объективно различаются по отношению к своим и чужим, без взаимопомощи и сотрудничества, основанных на вере в держащих свое слово и выполняющих взятые на себя обязательства других людей, без этой моральной ценности, человечество в целом не могло бы существовать и развиваться, как и без признания обоснованности применения санкций за нарушение традиции и солидарности, основанной на морали.

Доверительное отношению к людям, о которых индивид не имеет никакой априорной информации, позволяющей ему предвидеть последствия контакта, – *доверие людям вообще* – в англоязычной специализированной литературе получило название генерализованного (или обобщенного) доверия.

Для его измерения на Западе в массовых опросах с 1950-х гг. обычно задается примерно такой вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять, или следует быть более осторожным, когда имеешь дело с ними?» Это вопрос об отношении к людям, с которыми респондент лично не знаком и о которых он ничего не знает. Он неоднократно использовался в крупнейших международных сравнительных опросах, во всемирных и европейских исследованиях ценностей, проводящиеся с начала 1980-х гг. с интервалом примерно в 10 лет по стандартизованному инструментарию (The European Value Survey, далее в тексте - EVS, The World Value Survey - WVS)². Этот показатель выражает уровень доверия незнакомым людям *в принципе* (доверие «другим» вообще). Доверие по отношению к «другим» основано на важнейшем, морально-этическом (по природе), предположении – что «другие» также разделяют Ваши фундаментальные ценности/принципы морали, даже если они не согласны с Вами по вопросам политики, религии или идеологии. Иначе говоря, на *вере* в то, что *большая часть* незнакомцев – это *такие же люди, как и Вы*, что это *равные* Вам люди (моральный принцип равенства и чувство идентичности как презумпция доверия «другим», как

основа культуры доверия). Вера в то, что «большинству людей можно доверять» не вытекает из жизненной практики конкретного индивида уже потому, что каждый человек на протяжении всей своей жизни контактирует с очень небольшим количеством «других», а тесное повседневное общение со знакомыми и подобными (в моральном отношении) тебе людьми, то есть со своей «моральной общностью» (moral community), не может породить доверие к незнакомым людям, хотя, конечно, существуют виды занятий и социальной активности, являющиеся исключением из этого общего правила [11]. Она не предполагает оценку риска на случай, если доверие оказано субъекту, не заслуживающего. Такая оценка не может быть сделана в отношении незнакомца, о котором индивид ничего не знает, из-за отсутствия информации, необходимой для прогноза последствий. Доверие людям, как и вера в человечество, наверное, не может быть полностью уничтожено даже неудачным опытом общения отдельного индивида. Это фундаментальная основа человеческого общежития, то, чему все родители учат своих малолетних детей.

Этот моральный концепт – продукт эмпирического опыта, осмысления истории и социальных перемен (Зиммель, Луман, Гидденс). Как моральная ценность он занимает разное место в иерархической структуре ценностных ориентаций различных культур вследствие различий в истории, отложившихся в коллективной памяти народов, национальном характере, всей системе установок и ценностей.

Доверие к людям вообще обычно рассматривается во взаимосвязи с доверием массы к институтам и политическим лидерам³, и в связи с доверительным отношением индивидов к ранее незнакомым людям в конкретных обстоятельствах места и времени, например, на улице, в магазине, больнице, в милиции. Доверие играет исключительную роль в торговле, бизнесе, спорте, мореплавании, в дипломатии, в военном деле. То есть межличностное доверие – это моральный фундамент взаимоотношений

людей в самых различных сферах деятельности, однако форма проявления и степень доверия зависят от обстоятельств.

Когда речь идет о доверительном отношении индивида к конкретным людям, особенно велика роль информации и ожиданий. Не случайно для описания данного поведенческого аспекта доверия в англоязычной литературе используется специальный термин «particularized trust» («особое личное доверие»)⁴, доверие, выражаемое индивидом прежде всего к своему «внутреннему кругу», к узкой строго очерченной группе людей, включающем членов семьи и родственников. Исследования показали, что индивиды с высоким уровнем доверия к людям вообще, как правило, относятся к своему внутреннему кругу практически так же, как и к внешнему окружению, или, по крайней мере, не намного лучше. Хотя и они в жизни доверяют далеко не всем незнакомцам. Люди, которые в принципе доверяют немногим, обычно встречают незнакомцев скептически⁵. Поэтому мы полагаем, что в ответе на вопрос о доверии «большинству» кроме выражения моральной ориентации всегда содержатся «следы» иных форм доверия.

Доверие незнакомцам в значительной мере основано на оптимистическом видении мира (завтра будет лучше, чем вчера) и вере в то, что жизнь можно сделать лучше (мы преодолеем неудачи), если контролировать социальное окружение, условия жизни, и направленность их изменений. Если генерализованное доверие – это общая характеристика восприятия жизни, то доверительное/враждебное отношение к соседям, представителям другой расы (цвета кожи), религии, твоей или иной национальности (или конкретной этнической группы)⁶, согражданам и соотечественникам за рубежом, и т.д., – это характеристики восприятия индивидом различных элементов среды своей жизнедеятельности. Речь идет о специализированных установках, предопределяющих поведение в конкретных жизненных ситуациях. Эти установки следует отличать от генерализованного доверия как более абстрактной и общей ценностной ориентации. Поэтому прямые измерения доверия к вышеназванным

элементам внешнего круга или окружающей человека социальной среды часто интерпретируются как измерения толерантности, терпимости.

В ряде исследований в качестве альтернативы формулировке вопроса, раскрывающей смысл показателя обобщенного доверия как доверия «большинству» (незнакомых) людей, иногда предлагается, казалось бы, тот же вопрос, но в несколько отличной редакции: «Одни считают, что людям можно доверять. Другие считают, что с людьми нужно быть поосторожнее. Какая точка зрения Вам ближе – первая или вторая?» Такая редакция, на наш взгляд, уязвима для критики из-за излишней категоричности (ВСЕМ – без исключения (!) – можно доверять). Сама постановка вопроса требует от респондента отказаться от усвоенного с детства представления о том, что безграничного доверия не бывает, и солидаризироваться с абсолютизацией «недоверия». Если допустить, что первую максимум выбирают простодушные идеалисты и люди с развитым абстрактным мышлением, всегда присутствующие в группе тех, кто в принципе согласен, что «большинству людей можно доверять», то доля согласных с первой точкой зрения при использовании данной редакции вопроса должна быть ниже, чем доля респондентов, считающих, что «большинству людей можно доверять», то есть при традиционной формулировке вопроса. А доля «недоверчивых» – всегда выше.

Формулировка вопроса и шкала ответа имеют значение, и могут оказать влияние на интерпретацию результатов в случае отдельно взятого опроса (замера), но, нам кажется, что различия в мерительном инструментарии не могут заметно исказить линию тренда в исследованиях доверия при репрезентативной выборке и тем самым привести к качественно отличным выводам.

О межстрановых сравнениях.

Хорошо известно, что обоснованность выводов, сделанных на основе кросс-культурного сравнения агрегированных показателей распространенности ценностей, зависит от сопоставимости инструментов

измерения, правильного построения выборки и организации сбора данных. Но не только. Возможность сравнения в решающей степени определяется содержанием собранной информации, рассмотрением исследуемого явления в его исторически-генетическом движении, что означает помимо прочего проведение сопоставления не только в пространстве, но и во времени [см. 12, с. 25].

Сравнительно недавно коллега-политолог обратил мое внимание на статью Г.Л. Кертмана, в которой утверждалось, что использование доли респондентов, выражающих согласие с тем, что «большинству людей можно доверять», в качестве показателя, характеризующего уровень межличностного доверия, для сравнения результатов измерений в нашей стране (имеется в виду агрегированный по выборке индикатор) с данными аналогичных замеров в других странах является некорректным [13, с. 387]⁷.

Но еще в 1970-е гг. Р. Инглхарт установил наличие сильной корреляции между уровнем межличностного доверия (имеется в виду процент согласных, что «большинству людей можно доверять», – авт.), с одной стороны, и благосостоянием граждан, экономическими успехами страны в целом, а также приверженностью населения демократическим институтам и ценностям – с другой» [там же, с. 383], и что существуют «весьма убедительные доказательства тесной связи между значениями рассматриваемого показателя, с одной стороны, и уровнем экономического развития, а также степенью институционализации демократических принципов – с другой» [1, с. 384-395]. Однако его смущает то, что в России в начале кризисных 1990-х гг. нами⁸ был зафиксирован сравнительно высокий уровень межличностного доверия – 54% в 1993, и по 57% в 1994 и 1996 гг.- при крайне низком уровне политического доверия, уровня жизни и упадке экономики, то есть вышеназванная корреляция не была выявлена, тогда как в некоторых благополучных западных странах с развитой рыночной экономикой и давними демократическими традициями опросами, проведенными в 1990 г., был зарегистрирован заметно более низкий уровень

межличностного доверия, нежели в нашей стране [12, с. 153]. По сути, именно на этом основании Кертман делает вывод, что индикатор «большинству людей можно доверять» не применим в межстрановых сравнениях с участием России. В противном случае под вопрос попадают не только упомянутые нами положения о взаимосвязи модернизации и демократизации, но и другие модные теоретические построения (например, о роли социального капитала в развитии гражданского общества и рыночной экономики, и т.д.), в истинности которых он, по-видимому, не сомневается⁹.

Утверждение Г.Л. Кертмана, объявляющего некорректными сравнения распределений ответов россиян и жителей других стран якобы из-за того вербальная конструкция, применяемая в вопросе, при переносе в российский социокультурный контекст «меняет смысл, порождает иные коннотации» [13, с. 387], не только вызывает наше возражение, но и противоречит накопленному опыту подобного рода исследований¹⁰. Не устраивающий Кертмана вопрос использовался не только в наших опросах начала 1990-х гг., но и широко применяется за рубежом. Опросный инструментарий в сравнительных исследованиях всегда тщательно отработывался и проверялся, в том числе и на адекватность восприятия респондентами из разных стран формулировок вопросов о доверии, дабы влияние национального социокультурного контекста не послужило препятствием для последующих сравнений результатов (например, упоминавшимся выше проф. Инглхартом совместно с результатами опросов анализировались данные о функционировании демократии и экономики в период с 1920 по 1995 и последующие годы в 41 стране мира [14], [15]). Другое дело, что взаимоотношения межличностного доверия, демократии и экономики не так просты, как кажется на первый взгляд. Корреляция индикаторов – это не причинная связь явлений. И, действительно, по данным EVS/WVS к 2000 г. из посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, ныне вошедших в Евросоюз в 2004 г., генерализованное доверие, оставаясь на весьма низком уровне, немного подросло только в Словении, где этот

процесс развивался параллельно с ростом благосостояния населения. А в Венгрии, Чехии, Словакии и Польше по данным EVS/WVS, генерализованное доверие и без того невысокое, снизилось по сравнению с коммунистическим прошлым и началом 1990-х гг. В Румынии и Македонии, пока ещё лишь стремящихся войти в Евросоюз и, в глазах западных наблюдателей становящихся вполне «демократическими», также зарегистрированы весьма низкие значения генерализованного доверия: в Румынии в 1999 г. – 10,1% и 13,5% в Македонии в 2001 г.

На основе корреляций 1980-х-начала 1990-х гг. нельзя было сделать предположение, что последовательное и устойчивое, сохраняющееся на протяжении ряда лет, ухудшение экономической ситуации обязательно проявит себя в заметном уменьшении общенационального уровня межличностного доверия. Поэтому в коллективной монографии *«Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения»* (М., 1998, 2000), кстати, написанной в основном в Голландии в 1995-96 гг.¹¹, мы были осторожны в прогнозах и высказали мнение, что «кратковременные драматические события в экономике не оказывают существенного влияния на общенациональный уровень межличностного доверия», но, «тем не менее, остается пока неясным, как будет изменяться уровень межличностного доверия в России в будущем. Если произойдет дальнейшее ухудшение экономического положения россиян, то окажет ли оно негативное влияние на отношения между людьми в этой стране, или же, несмотря ни на что, в ней сохранится высокий уровень межличностного доверия? Если жизнь станет легче и богаче, то возрастет ли и уровень доверия?» [12, с. 156].

Подтвердились ли наши предположения, высказанные в середине 1990-х годов? Скорее да, чем нет. В январе 2000 г. 66% россиян были согласны, что «большинству людей можно доверять», против 34 в 1998 г., когда на страну обрушился дефолт. Вышеприведенные цифры позаимствованы нами из размещенного в Интернете доклада американского профессора Сьюзан Розе-

Аккерман (Susan Rose-Ackerman, Henry R. Luce Professor of Law and Political Science, Yale University), сделанного в 2001 году в Румынии [16]¹², которая, в свою очередь, ссылается на материалы репрезентативных опросов, осуществлявшихся под руководством британского проф. Ричарда Розе (проекты The New Democracies Barometer, The New Russian Barometer¹³). Автор обращает внимание читателя на то, в начале 2000 г. российское значение агрегированного по выборке показателя межличностного доверия было ниже, чем в Корее (77%), но выше, чем в США, где примерно в это время значения данного показателя «зависли» – колебались около 35-процентной отметки (там же). И что в 1998 г. уровень межличностного доверия в России был ниже, чем в Центральной и Восточной Европе, когда 51% респондентов, опрошенных Барометром Новых Демократий заявили, что «большинству людей можно доверять» (там же).

Данные, приведенные в докладе профессора Йельского университета, действительно, поразительны, – но не более, чем результаты наших почтовых опросов первой половины 1990-х гг. Прежде всего, потому, что они, как и наши показатели, разнятся с результатами других исследовательских организаций, проводивших опросы в России в 1990-е гг., и тем самым заставляют задуматься над объяснением выявленного эмпирического факта. Заметим, что у Розе-Аккерман данные по Корее выше, чем в опросах WVS, проведенных в этой стране примерно в то же время, а данные по США сходны.

Существенные различия между измерениями показателя генерализованного доверия в разных странах примерно в один и тот же год, или год-два спустя предыдущего замера, были замечены неоднократно. Они содержатся и в материалах опросов, помещенных в банк EVS/WVS. Например, в Испании в 1990-м г. результаты одного замера были равны 36%, а другого – 31,3%; в Турции в 2001 г. зарегистрированы два существенно отличных результата – 18,9% и 6,8%. В Словакии доля респондентов, доверявших большинству, в 1998 г. равнялась 27%, а через год в 1999-м –

15,7% (по данным EVS/WVS). Причины таких резких флуктуаций понять не просто. Данные по США за 1980 и 1990 гг., хранящиеся в банке данных EVS/WVS (приведенные в наших публикациях), отличаются от данных GSS за те же годы [11]. Но почему мы должны считать, что данные GSS лучше или более надежны, чем результаты EVS/WVS¹⁴? Можно, конечно, объяснить измерения, не укладывающиеся в линию тренда, методическими ошибками или просчетами, допущенными при проведении полевой фазы (при проектировании и реализации выборки, сборе данных, и т.д.). И почему должны считаться валидными только измерения, поддерживающие понравившуюся нам объяснительную схему?

Высокие общенациональные уровни доверия «большинству людей» зафиксированы в опросах EVS/WVS в скандинавских странах. Но и в Иране в 2000 г. этот показатель был равен 65,3% (примерно как в Норвегии); в Саудовской Аравии в том же году – 53%; в Китае в 1990 г. – 60,5%, а в 2001 г. – 54,5% (это чуть ниже, чем в Финляндии, где в 2000 г. среднее по выборке значение этого индикатора было равно 57,9%). Низкие значения индикатора были выявлены в самых разных частях планеты: в Латинской Америке – Бразилии – 2,8% (1997); Перу – 5,0% (1996), 10,7 (2001); Колумбии – 11,2% (1998); расположенных в разных океанах, очень далеко друг от друга островных государствах: Пуэрто-Рико – 6,1% (1995); Филиппинах – 5,5% (1996), 8,4% (2001); в Африке: Уганде – 7,6% (2001); Танзании – 8,1% (2001); ЮАР – 11,8 (2001) и в европейских странах со столь различной политической историей: Македонии – 8,2% (1998); Португалии – 11% (1999).

Хотя разрыв между богатыми и бедными странами мира по среднедушевому размеру ВВП велик, причинной связи между этим показателем и уровнем генерализованного доверия, как следует из приведенных примеров, нет. А отсутствие существенных межстрановых разрывов по уровню доверия между Ираном и Норвегией, Китаем и Финляндией, говорит о том, что нельзя ориентироваться и на измерители демократичности общества. Факты свидетельствуют о том, что фиксируемая

в опросе установка на доверие незнакомцам является проявлением специфики национальной культуры/психологии и характеристикой субъективного восприятия жизни в текущий момент¹⁵. Мы полагаем также, что интерпретация генерализованного доверия как показателя «здоровья общества» является неправильной. И что межличностное доверие – совсем не то же самое, что социальный капитал¹⁶. Это сложный конструкт с множеством взаимосвязанных измерений (доверие большинству, доверие институтам и т.д.), и возможное влияние каждого из них на политическую и экономическую жизнь общества зависит от соответствующего социального контекста. Наличие корреляции между уровнем генерализованного доверия (данные WVS) и индексом коррумпированности страны подтверждает сказанное, хотя связь между доверием большинству и распространенностью коррупции в стране, по-видимому, имеет латентный и опосредованный характер. Рональд Инглхарт писал: "Межличностное доверие, субъективное благополучие, разумные уровни равенства доходов, низкие уровни экстремизма, относительно высокие уровни политического участия и членства в организациях и "постматериалистические" ценности – это части единого взаимосвязанного синдрома, который можно назвать "продемократической культурой". И все эти переменные тесно связаны с устойчивой демократией. Но самые высокие корреляции со стабильной демократией имеют межличностное доверие и субъективное благополучие" [14, с. 194]. Наверное, всё это так, но, по данным EVS/WVS, за последние двадцать лет прошлого века в Великобритании – стабильной и благополучной стране классической демократии произошло явное снижение среднего уровня генерализованного доверия с 43,9% в 1981 г. до 30,1% в 1999-м, хотя реальный среднедушевой доход там вырос. Весьма вероятно, что негативное воздействие на величину британского индикатора генерализованного доверия оказали заметный приток мигрантов на острова в 1980-е-1990-е гг. и рост преступности [19]. Стало быть, хотя межличностное доверие имеет глубокие корни в индивидуальной психологии и

социализации, текущие условия жизни каждого индивида, и его оценка направленности перемен в сравнительном измерении, в существенной мере влияют на агрегированный показатель доверия большинству.

Уровень генерализованного доверия в США также последовательно снижался – с 58% в 1960 до 36% в 2000 г и 34% в 2003 г. Снижение происходило на фоне роста реального душевого ВВП с 17,0 тыс. долл. в 1960 г. до 36,1 тыс. долл. в 2000 г. По-видимому, как и в случае с Великобританией или Канадой, при объяснении американского тренда, следует ориентироваться на показатели, которые несколько девальвируют значение роста среднедушевого дохода (после того как достигнут определенный разумный уровень потребления) и подчеркивают те стороны американского общества, которые оказывают непосредственное или косвенное влияние на межличностное доверие, – это растущая конфликтность, политическая апатия и подозрительность к чужакам [20].

Оптимизм в обществе снижается, если в нем растет неравенство и чем выше неравенство, тем меньше доверия, – к такому заключению когда-то пришел профессор Мэрилендского университета Эрик М. Усланер. На этом основании был сделан вывод, что самым важным эндогенным фактором, повлиявшим на нисходящую динамику генерализованного доверия в США, являлся медленный, но непрерывный, рост неравенства [11]. Из известных нам интерпретаций американского тренда это объяснение представляется наиболее логичным [ср. 21].

Динамика межличностного доверия в России в начале XXI века развивается по траектории, противоположной американской. В январе 2000 г., по данным РОМИР, только 22,9% опрошенных россиян были согласны, что «людям можно доверять»¹⁷. А в сентябре 2005 г. 36% участников опроса ФОМа заявили, что «людям можно доверять»¹⁸ – за пять лет рост в полтора раза.

Мы не ставим под сомнение надежность данных РОМИР и ФОМ, использовавших одну и ту же выше формулировку вопроса о доверии людям

(а не *большинству* людей как EVS/WVS). Но о чем говорит рост межличностного доверия в России в самом начале XXI века? Можно, конечно, еще раз вспомнить о том, что межличностное доверие опирается на оптимизм, и предположить, что прирост генерализованного доверия в России был вызван расширением круга людей с оптимистическим видением будущего. Такое объяснение представляется вполне резонным, хотя и не исчерпывающим. Ведь если за 2000-2005 гг. в России заметно выросло межличностное доверие, то о росте политического участия и доверия институтам власти (за исключением президента В.В. Путина), судя по имеющимся опросным данным, этого сказать нельзя. Неравенство по доходу, находившееся на неразумно высоком уровне в 1990-е гг., согласно официальной статистике, только подросло. Коррупция высока, и она не снижается, а растет. Экстремизм также «присутствует». Сказать, что в стране за последние пятнадцать-двадцать лет сформировалась и укрепилась «продемократическая культура», нельзя. От того, что в России стало намного больше миллиардеров и миллионеров в долларовом исчислении, чем в 1990-е гг., демократии больше не стало. Нынешний режим является, по сути, такой же квазидемократией, как и прежний ельцинский.

Вместо заключения.

Сравнения измерений уровня генерализованного доверия в разных странах необходимы, чтобы представить распространенность межличностного доверия как ценности по планете. Уяснение того, насколько все мы, жители Земли, похожи и чем отличаемся в плане морали, конечно, важно главным образом для исследователей культурной глобализации и психологов. Внимание социологов, экономистов и политологов к межличностному доверию определяется преимущественно тем, что в настоящее время данный концепт на Западе широко используется в различных теориях, объясняющих социальные перемены, происходящие в

современном обществе, и в так называемых переходных экономиках, в частности [22 -26]¹⁹. «Теории» часто не согласуются с реалиями жизни, и не только российской. Если признать, что это нормальное состояние для научного поиска истины, то видимо, следует согласиться с тем, что удовлетворительное объяснение выявленных опросами фактов и трендов возможно построить лишь на основе интеграции различных подходов, учитывающих все усиливающееся влияние глобализации на традиционную мораль, национальную культурную самобытность, институциональную специфику, динамику экономической и политической ситуации в каждой отдельно взятой стране и мире в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Seligman A.B., Fuser K.* The Problem of Trust and the Transition from State Socialism // *Comparative Social Research*. 1994. vol. 14. p. 193- 212.
2. *Sztompka P.* Trust and Emerging Democracy. Lessons from Poland// *International Sociology*, 1996, vol. 11 (1), p. 37 – 62.
3. *Misztal B.A.* Trust in Modern Societies. The Search for the Bases of Social Order. Cambridge: Polity Press,1996.
4. *Sztompka P.* Trust: A Sociological Theory, Cambridge UK: Cambridge University Press, 1999.

5. *Marsh C.* Making Russian Democracy Work: Social Capital, Economic Development and Democratization. Lewiston, N.Y., Edwin Mellen Press, 2000.
6. *Putnam R.* (ed.) Democracies in flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. Oxford, Oxford University Press, 2002.
7. *Badescu G., Uslaner E.* Social Capital and Democratic Transition. London and New York, Routledge, 2003.
8. *Kornai J., Rose-Ackerman S., Rothstein B.* (eds) Creating Social Trust in Post-Socialist Transition (Political Evolution and Institutional Change). New York, Palgrave MacMillan, 2004.
9. *Schrader Heiko* (Ed.) Trust and Social Transformation. Theoretical approaches and empirical findings from Russia. Bd. 1, Berlin: Verlag, 2004.
10. *Uslaner E.M.* Producing and Consuming Trust// Political Science Quarterly. 2000-2001, 115: 569-590.
11. *Uslaner, E.M.* *The Moral Foundations of Trust.* Cambridge University Press, 2002.
12. *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М.: Совпадение, 1998, 2000.
13. *Кертман Г.Л.* Межличностное доверие в России. В кн.: Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Ежегодник 2005. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006, с. 381-405.
14. *Inglehart Ronald.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press, 1997.
15. *Inglehart R. Baker W.E.* Modernization and Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values// American Sociological Review. 2000. vol. 65, p. 19-51.

16. *Rose-Ackerman Susan*. Trust, Honesty, and Corruption: Theories and Survey Evidence from Post-Socialist Societies. Prepared for the Workshop on Honesty and Trust in Post-Socialist Societies at Collegium Budapest, May 25-26, 2001. Draft of April 24, 2001.
17. *Fukuyama F*. Trust: The Social Virtues and the Creation of prosperity. N.Y.: Free Press, 1995.
18. *Busse S*. Post-Soviet Social Capital: Evidence from Ethnography. Presented at ASA Annual meeting, August 2001, Anaheim, CA, revised July 2001.
19. *Halpern D*. Moral Values, Social Trust and Inequality. Can Values Explain Crime?// British Journal of Criminology. 2001, vol. 41, p. 236-251.
20. *Edwards B., Foley M.W, Diani M*. (Eds) Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective. Tufts University Press, 2001.
21. *Putnam R.D*. 2000. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster.
22. *Putnam Robert D.*, with Robert Leonardi and Raffaella. 1993. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton NJ: Princeton University Press.
23. *Braithwaite V., Levi M*. (eds.). Trust and Governance. New York: Russell Sage, 1998.
24. *Van Deth J.W., Maraffi M., Newton K., Whitely P.F*. (eds.), Social Capital and European Democracy. London, Routledge, 1999.
25. *Warren M*. (ed.) Democracy and Trust. Cambridge UK: Cambridge University Press, 1999.
26. *Karen Cook* (ed.) Trust in Society. New York: Russell Sage Foundation, 2001.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящей публикации мы не можем представить сколько-нибудь подробный обзор литературы из-за ограничений объема.

² Часто используется укороченный вариант вопроса, звучащий примерно так: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?» В банках данных EVS/WVS и GSS содержится только переменная «большинству людей можно доверять». Ответы: *Да, Нет, Не знаю*. Иногда к ним добавляется вариант «зависит от обстоятельств» или «другое мнение». Обычно фиксируется также позиция «Нет ответа». В некоторых исследованиях использовались также пяти- или семипунктовые шкалы (от *абсолютно не согласен =1*, до *полностью согласен =5 или 7*), позволяющие выделить «недоверчивых (1+2), скептиков (3 или 3+4+5)» и «доверчивых (5 или 6+7)» и рассчитать среднее значение, стандартное отклонение и дисперсию.

³ Доверие другим не обязательно транслируется в доверие правительству, властным и рыночным институтам. Рядовой гражданин, как правило, не обладает опытом личного общения с высшими лидерами страны. Он не обладает всей необходимой информацией и компетентностью для того, чтобы судить о деятельности того или иного института. И, тем не менее, он отвечает на вопрос интервьюера о доверии лидеру, или же авторитарному демократическому институту. В сущности, в этой ситуации он ведет себя, как и при ответе на общий вопрос о доверии незнакомцам, когда не может заранее рассчитать степень риска и оценить последствия своей доверчивости, то есть, говоря о доверии лидеру или институту, респондент опирается лишь на репутацию оцениваемого субъекта, сформированную СМИ, прошлый личный и коллективный опыт.

⁴ Проф. Усланер проводит различие между генерализованным доверием или *моралистическим доверием* (moralistic trust - так он называет веру в незнакомцев) и вытекающим из личного опыта *стратегическим доверием*

(strategic trust) - доверием, основанном на знании, а также доверием в конкретных ситуациях [11]. Мы разделяем в целом его точку зрения на природу обсуждаемого феномена, но полагаем, что использование прилагательного «стратегический» для описания сущности доверия, основанного на опыте, информации и прогнозе поведения, является неудачным и сбивающим с толку.

⁵ Для измерения межличностного доверия в конкретных жизненных ситуациях разработаны специальные методики, каждая из которых обладает как достоинствами, так и недостатками.

⁶ Такие вопросы были включены в вопросник EVS 1999 г.

⁷ Этот же текст под тем же названием был опубликован в журнале ФОМ «Социальная реальность (журнал социологических наблюдений и сообщений)», № 4, 2006. Сколько ещё клонов статьи Кертмана размещено в других социологических и политологических изданиях, нам неизвестно.

⁸ Мы – это Отдел социальной динамики ИСПИ РАН, возглавлявшийся тогда автором настоящей статьи. Приведенные в тексте данные – результаты всероссийских почтовых опросов взрослого городского населения в мае 1993 г. (N = 1172, ошибка выборки – 3%), мае-июне 1994 г. (N = 1657, ошибка выборки – 3%); июне 1996 г. (N = 1207, ошибка выборки – 4%). Вопрос в анкете был сформулирован так: «Вообще говоря, считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?».

⁹ В нашей монографии 1998 г. эта мысль была сформулирована предельно четко: «результаты, представленные в табл. 4.14, ставят под сомнение вывод теории модернизации о наличии положительной взаимосвязи между демократическими традициями и межличностным доверием» [12, с 155]. Дело в том, что общая картина связи демократии, экономики и межличностного доверия в представлялась нам тогда весьма запутанной, не только в связи с результатами почтовых опросов Отдела социальной динамики ИСПИ РАН, но особенно в свете данных EVS, выявивших

существенные различия в значениях показателя генерализованного доверия, например, между Францией (23% в 1990-м) и Канадой (53%) или Швецией (66%), о чем мы честно сообщили своему читателю.

¹⁰ Разбирать пространные (к сожалению, весьма поверхностные и идеологически клишированные) рассуждения Кертмана о социально-культурных особенностях менталитета россиян вообще, и о специфике мировосприятия старшего, выросшего при Советской власти поколения, в частности, как факторах, обусловивших зафиксированный в опросах 1993-1996 гг. уровень межличностного доверия россиян, на наш взгляд, здесь не имеет смысла.

¹¹ Указанная монография представляет собой расширенный и дополненный перевод на русский язык ранее нашей изданной работы: Peter Ester, Loek Halman, Vladimir Rukavishnikov. *From Cold War to Cold Peace? A Comparative Empirical Study of Russian and Western Political Cultures*. Tilburg: Tilburg University Press, 1997.

¹² Приведенные в тексте данные взяты с. 5 указ. соч. (<http://www.colbud.hu/honesty-trust/rose/pub01.PDF>; http://www.unifr.ch/pol-wiss/archiv/2001_02/kurs.d.korruption_2001; 2002/Rose_Ackerman_Susan_2001_Trust_in_Post_Socialist_Societies.pdf).

¹³ Об этом см. на сайте Centre for the Study of Public Policy, University of Strathclyde, Glasgow: <http://www.cspp.strath.ac.uk>; насколько нам известно, полевую фазу работы в России в те годы выполнял ВЦИОМ.

¹⁴ Так ответил на мой вопрос доктор Лук Халман, один из бессменных руководителей EVS.

¹⁵ Десять лет назад мы объясняли полученные нами «парадоксальные результаты» тем, что «доверие к людям по-прежнему остается неотъемлемой чертой русской национальной культуры, хотя и в значительно меньшей степени присущей российской молодежи», то есть исходили из того, что доверие к людям вообще является устойчивой социокультурной

характеристикой нации, не меняющейся внезапно, - «сколько-нибудь заметным образом, даже условиях плохой экономической ситуации» (Рукавишников и др., 1998. с. 155).

¹⁶ Речь идет о том, что социальный капитал нельзя сводить к некой коллективной этической добродетели, основанной на доверии, как это делал Ф. Фукуяма в середине 1990х. Проф. Фукуяма там же утверждал, не приводя, впрочем, никаких эмпирических доказательств, что Россия – это общество с *низким* социальным капиталом [17]. Противоположное мнение см. в [18].

¹⁷ Большинство – 73,7% – считали, что «в отношениях с людьми нужно быть очень осторожными». Затруднились с ответом 3,4% граждан (по информации, размещенной на сайте *РОМИР Консалтинг и PR* в Интернете в 2000 г. Опрос населения РФ по репрезентативной выборке (N=2000, 41 субъект РФ, 203 точки опроса) был проведен РОМИР в январе 2000 года. Видим, что процент «недоверчивых» в данных РОМИР заметно больше, чем процент, названный С. Розе-Аккерман, ссылавшейся на данные опроса проф. Розе (the New Russian Barometer), проведенного в это же время. О редакции вопроса как вероятной причине расхождения в оценках доли «доверчивых» мы говорили выше.

¹⁸ В сентябре 2005 г. 69 регионах РФ было опрошено по 500 человек, то есть всего ФОМ в этом исследовании было опрошено 34 500 респондентов. Из них 58% сказали, что “с людьми нужно быть поосторожнее” (6% – затруднились с ответом) [13].

¹⁹ Некоторые авторы, к сожалению, не учитывают всей сложности феномена, источников, условий и генезиса его формирования, относительной автономии и связи различных форм проявления доверия на индивидуальном и коллективном уровне.